

Опочецкий краевед

Издание краеведческого клуба «Отчий дом»
при Опочецком краеведческом музее

№ 1

Январь

2020

Клуб «Отчий дом». Участники заседания, состоявшегося 18 января 2020 года

Начался новый, 2020-й, год, и Опочецкий краеведческий клуб «Отчий дом», существующий с 2013 года, продолжает свою работу – теперь уже на базе Опочецкого краеведческого музея.

В коллектив клуба влились новые участники, принесли с собой новые

идеи, которые по мере возможности будут воплощены в жизнь.

Когда в минувшем декабре обсуждались планы на 2020 год, прозвучали очень интересные предложения, в том числе – поездка на «Линию Сталина», поход по местам, связанным с деятельностью партизан во время Великой От-

ечественной, организация выставок экспонатов из личных коллекций участников клуба и фотовыставок и многое другое.

Новое в работе клуба – издание собственной газеты «Опочецкий краевед», которая будет выходить раз в месяц.

В этом выпуске:

Партизаны, приказ № 227 и ледниковые валуны	2
«Василий Мудрый»	3
Краеведческий клуб «Отчий дом» в 2013–2017 гг.	4
«Красили сию церковь...»	6
О пограничных крестах	7
Гулянка в Опочецком уезде (районе)	8
От основания опочецкой крепости и до наших дней	11
Птицы на Великой: поздняя осень и зима	12

■ Заседали, обсуждали, спорили

О партизанах, приказе № 227 и ледниковых валунах

Как известно, в 2020-м исполняется 75 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Поэтому еще в декабре 2019-го было решено: в новом году начинать заседания «Отчего дома» с рассказа кого-то из участников клуба о том, как коснулась война старшего поколения его семьи.

На январском заседании, которое состоялось 18 числа, о своих дедах и прадедах (родных и двоюродных) рассказывал главный хранитель фондов Опочецкого краеведческого музея **Александр Владимирович КОНДРАТЕНЯ**.

В партизанском отряде им. Орджоникидзе в Белоруссии воевал Николай Фёдорович Кондратеня; в отряде им. Дзержинского бригады им. В.И. Ленина – Адам Фёдорович Кондратеня.

А. Ф. КОНДРАТЕНЯ

Он впоследствии, после освобождения территории от немецко-фашистских захватчиков, влился в ряды Красной Армии.

А.Ф. Кондратеня участвовал в пяти крупных боевых операциях партизан, в «рельсовой войне», в уничтожении телефонно-телеграфных линий связи противника. Имеет правительственные награды.

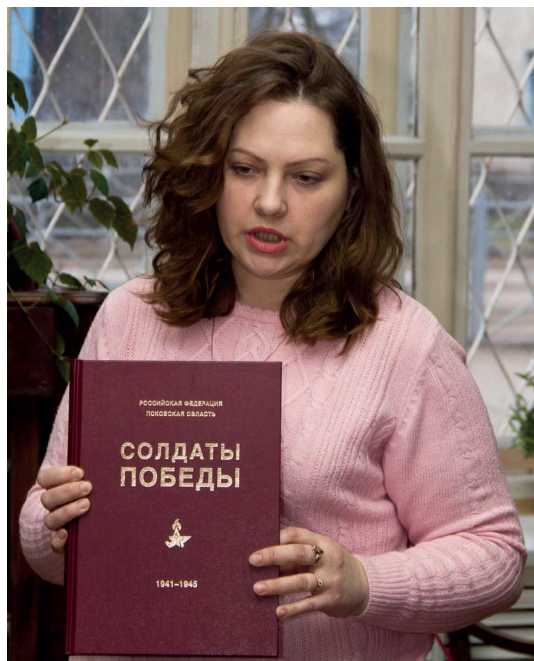
Александр Владимирович принес на заседание книгу Н.И. Смирнова «Василий Мудрый», изданную в 2009 году в Минске. Она рассказывает об одном из самых известных белорусских партизанских руководителей – Герое Советского Союза генерал-майоре В.З. Корже. В этой книге упоминаются «рельсовая война» и бригада им. В.И. Ленина.

На Западном, Карельском, 3-м Белорусском фронтах воевал дед А.В. Кондратеня по матери, артиллерист Иван Александрович Божий. В ходе боевых действий в Восточной Пруссии за проявленный героизм и отличное выполнение боевой задачи, как говорится в наградном листе, И.А. Божий удостоен ордена Красной Звезды.

И.А. БОЖИЙ

О книге «Солдаты Победы», рассказывающей о жителях Новоскольнического района, на заседании сделала сообщение директор Опочецкого краеведческого музея **Надежда Алексеевна ЕВДОКИМОВА**. Эта книга прекрасно издана, содержит обширный материал с биографиями и портретами участников Великой Отечественной войны, вернувшихся с фронта и принимавших активное участие в восстановлении народного хозяйства. Включены в книгу и другие интересные материалы.

Опочанам надо бы подготовить своё издание «Солдат Победы» на таком же высоком уровне. Но, посетовала Надежда Алексеевна, для этого катастрофически не хватает материала. Надо его срочно искать, надо подключать все возможные источники.

Горячее обсуждение вызвало выступление **Нины Михайловны КУРГ**, учителя-историка, много лет работавшей в Опочецком педагогическом училище (теперь это индустриально-педагогический колледж).

Нина Михайловна принесла на заседание два журнала – «Псков» (№ 28 за 2008 год) и «Родина» (№ 1 за 2020 год).

Полемика разгорелась вокруг достоверности (или отсутствия её) публикуемых в

периодических изданиях мемуаров участников Великой Отечественной войны и вокруг знаменитого приказа № 227 (он полностью приведен в журнале «Родина»).

Приказ наркома обороны СССР И.В. Сталина № 227 назывался «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» и был издан 28 июля 1942 года. Грифа «Секретно» у него не было, но был гриф «Без публикации».

Этим приказом вводились карательные санкции за самовольный отход с боевых позиций – как для командиров, так и для рядовых, штрафные роты, заградотряды.

В журнале опубликованы также письма с фронта Сталину – еще до издания этого приказа, где высказывались предложения командиров по наведению порядка в войсках. В этих письмах приводились примеры, когда не только рядовые военнослужащие Красной Армии поддавались панике и ударялись в бегство с позиций, но и офицеры и комиссары, которым надлежало вести солдат за собой. В первые дни и месяцы войны подобное происходило нередко.

А потом, после того, как этот ожидаемый приказ № 227 появился и начал действовать, пошли другие письма, в которых отмечалось: дисциплина на фронте укрепилась, порядка в войсках стало больше.

Однако между участниками клуба разгорелся спор: всегда ли была оправданной жестокость военачальников? Можно ли было избежать лишних потерь – как, например, при форсировании Днепра, когда из каждых десяти переправлявшихся через реку бойцов погибало девять?.. И нужно ли было брать города «к датам»?.. И – любой ценой?..

Вспоминали советских военачальников – маршалов Победы Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского.

Отношение к Жукову было неоднозначным даже во время Великой Отечественной войны. Кто-то видел в нём незаурядного полководца; других ужасало его пренебрежение солдатскими жизнями.

Прозвучало даже такое высказывание: прошедшие войну свидетельствовали, что в окопах говорили – лучше быть в штрафном батальоне у Рокоссовского, чем в обычных войсках у Жукова.

Тема Великой Отечественной войны будет продолжена и на дальнейших заседаниях клуба.

Затем президент «Отчего дома» **Марина Станиславовна ЯКОВЛЕВА** предложила из XX века отправиться в XIX.

Работая в Государственном архиве Псковской области, она обнаружила любопытный материал о находках в 1838 и 1842 годах «гранатных камней» на территории Опочецкого уезда. О них рапортовал опочецким гражданским губернатором опочецкий земский исправник Илья Арсентьевич Васюков, отставной подпоручик.

Первая такая находка была сделана на землях помещика Костюрина, зятя родной племянницы М.И. Голенищева-Кутузова П.О. Сновидовой (в девичестве Ушаковой), в районе деревни Захново; вторая – в имении Рютневой, в сельце Пятницыно (его уже не существует, находилось в южных окрестностях Опочки).

Хотя Департамент горных и соляных дел в то время скептически отнесся к этим находкам (гранаты в присланных образцах мелкие, причём не пиропы, а альмандины – вениса), тем не менее валуны из альмандинового гнейса на Псковщине встречаются не так и часто.

Поэтому изучение архивных документов XIX века в XXI сменилось полевыми исследованиями.

Кто ищет, тот, как известно, найдет. Хотя огромные площади сельскохозяйственных угодий в Опочецком районе были в советское время мелиорированы и ледниковые валуны сдвинуты бульдозерами со своих мест, они никуда не исчезли: их нагромождения можно увидеть практически везде.

Осмотрев порядка полутысячи ледниковых валунов, М.С. Яковлева нашла «гранатный камень». Возможно, это и есть один из фигурировавших в документах XIX века.

По всей видимости, ледник, двигавшийся с северо-запада на юго-восток, принёс этот валун – вместе с другими – из Фенноскандии. В Норвегии и сейчас существуют карьеры, где добывался альмандиновый гнейс. Из него высекались жернова и каменные кресты.

На заседании клуба «Отчий дом» было решено пополнить экспозицию Опочецкого краеведческого музея образцом ледникового валуна из альмандинового гнейса.

Это стоит прочесть

«Василий Мудрый»

Как сказано в опубликованном выше отчете о заседании краеведческого клуба «Отчий дом» 18 января 2020 года, главный хранитель фондов Опочецкого краеведческого музея А.В. Кондратеня в своем выступлении коснулся книги Николая Смирнова «Василий Мудрый».

Эта книга рассказывает о легендарной жизни и борьбе одного из наиболее выдающихся партизанских руководителей Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, командира Пинского партизанского соединения Героя Советского Союза генерал-майора В.З. Коржа, 120-летие со дня рождения которого пришлось на 2019 год.

Биография героя книги уникальна. Он работал по линии Раз-

ведупра РККА в 1920-е годы на территории Западной Белоруссии, участвовал в подготовке партизанского спецрезерва по линии НКВД БССР в 1931–1936 годах, воевал в Испании.

После Великой Отечественной войны, добровольно оставив пост заместителя министра лесного хозяйства БССР, В.З. Корж возглавил на своей родине разоренный колхоз и вывел его в передовые.

В книге широко использованы документы из Национального архива Республики Беларусь, дневники В.З. Коржа, которые он вёл даже во время войны, его записи и воспоминания, а также те сведения, которые предоставила автору дочь В.З. Коржа Зинаида.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Страницы истории клуба

Краеведческий клуб «Отчий дом» в 2013–2017 гг.

Краеведческий клуб «Отчий дом» был организован летом 2013 г. на базе Опочецкой районной библиотеки имени А.С. Пушкина по инициативе местных любителей истории и заведующей отделом обслуживания взрослых читателей Г.В. Гуль.

Деятельность клуба «Отчий дом» определяется интересами его участников. Большинство отдало свои симпатии историческому аспекту краеведения. Прошлое родных деревень, история исчезнувших и еще существующих храмов Опочецкого уезда и района, дворянских имений, родословные чем-либо замечательных земляков и многое другое – всё это находит отражение в исследованиях, ведущихся участниками клуба.

Работы опочецких краеведов оглашаются на заседаниях клуба, которые проходят один раз в месяц, на встречах со школьниками и студентами Опочецкого индустриально-педагогического колледжа, публикуются в периодических изданиях (чаще всего в опочецкой районной газете «Красный маяк»), издаются отдельными книгами.

Клуб «Отчий дом» принимал участие в подготовке материала для энциклопедического справочника Опочецкого района (в настоящее время существует в электронном виде), для путеводителя «Опочка: события и люди», который вышел в свет юбилейном для Опочки 2014 г. Это, как известно, был год 600-летия города.

Среди книг, изданных за четыре года участниками клуба на собственные деньги, следует отметить работу, посвященную опочецкому купеческому роду Порозовых (авторы Л.В. Гаврилова, А.В. Кондратеня, Л.А. Мясникова). Это первое издание в Опочке об отдельном купеческом роде, охватывающее историю семейства Порозовых с XVIII века до наших дней. Оно снабжено уникальными фотографиями и генеалогическими таблицами.

Об истории родных мест, начиная со второй половины XVIII века, о своей деревне написал книгу ветеран войны и труда, заслуженный учитель школы РСФСР В.П. Парамонов. Она называется «Деревня Заверняйка: взгляд в прошлое» (2014).

Забегая вперед, следует добавить, что в 2019 г. вышло две новых книги В.П. Парамонова – «История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в

цифрах и фактах» и «Вместо биографии. Воспоминания».

Хотя фундаментальное исследование С.А. Алексеева (1944–2018) и А.В. Кондратени «Опочка: 1917–1941» было издано еще в 2012 г., его тоже можно причислить к изданиям клуба, поскольку огромную редакторскую работу над ним проделала М.С. Яковлева, действующий президент «Отчего дома».

Она же как редактор выступала и при подготовке к печати всех прочих изданий клуба. Редактировала периодическое издание «Голос былого» (2014–2015), посвященное 600-летию Опочки и издававшееся опочецким краеведом-историком А.В. Кондратеней; книгу профессионального писателя Г.А. Гореловского «История села Крулихина в лицах и усадьбах» (2013).

Из изданий 2015 г. необходимо особо выделить уникальный фронтовой «Дневник» Л.А. Белинской, дочери известного опочецкого краеведа А.И. Белинского, прошедшей в составе санитарно-эпидемиологического отряда от Сталинграда до Берлина. «Дневник» был обнаружен в личном архиве Л.А. Белинской и подготовлен к печати участником клуба «Отчий дом» Л.В. Гавриловой (1938–2018). Предваряет текст «Дневника» статья о семействе Белинских, оставивших след в истории Опочецкого уезда, написанная Л.В. Гавриловой и Л.В. Степановой.

В 2016 г. вышла в свет книга президента клуба М.С. Яковлевой «Опочка в зеркалах легенд». В ней собраны все более или менее примечательные сказания, касающиеся города и района, – как обнаруженные в письменных и печатных источниках, так и услышанные автором книги из уст жителей Опочки и района.

Естественнаучное направление краеведения не столь популярно в «Отчем доме», как историческое. Однако ряд участников клуба изучает редкие растения Опочецкого района, ведет регулярные наблюдения за птицами, обитающими на территории Опочецкого района, в том числе в течении рек Великой и Исссы. Ими был зафиксирован целый ряд редких, в том числе

краснокнижных, видов, установлены факты зимовки некоторых птиц на Великой. Вопрос зимовки, как сообщил опочецким краеведам орнитолог Национального парка «Себежский» С.А. Фетисов, в настоящее время практически не исследован.

Наблюдения опочецких натуралистов-любителей стали основой для научных публикаций как в «Русском орнитологическом журнале», так и в трудах, изданных в разные годы Национальным парком «Себежский».

Помимо краеведческих исследований и издания книг, клуб «Отчий дом» ведет и немалую организаторскую работу.

В качестве примера хотелось бы привести организацию двух волонтерских десантов на городище Коложе. Как известно, в последней декаде апреля 2013 г. Коложе подверглось разорению «черными копателями», оставившими на площадке городища глубокие и обширные рвы, траншеи и шурфы. С согласия псковских археологов в октябре 2013 и мае 2014 г. участники клуба «Отчий дом» и подростки из Опочецкой городской школы № 4 и Опочецкой гимназии всё это зарыли. При восстановительных работах на земляных отвалах были подобраны фрагменты керамики XV века, переданные затем в Опочецкий краеведческий музей.

Какциям экологической направленности можно отнести расчистку русла Государева ключа, который находится неподалеку от бывшего имения Кротово. С этим ключом связана одна из местных легенд об императоре Александре II, повествующая о происхождении названия источника. Участники клуба убрали из русла Государева ключа мусор, упавшие деревья.

В конце декабря 2015 г. священник опочецкой церкви Покрова Богородицы И.П. Нетреба призвал прихожан храма и всех желающих помочь в наведении порядка на Духовой горе, которая к тому времени стала жертвой своей популярности и превратилась в настоящую свалку утильсырья. В очистке Духовой горы приняли участие и краеведы из клуба «Отчий дом». Чтобы навести там порядок, выезжать пришлось несколько раз.

Летом 2015 г. участники клуба провели ряд субботников возле пострадавшей от пожара лютеранской кирхи, построенной в 1874 г., убирая мусор, вырезая кустарник и выкашивая траву.

В 2017 г. участники клуба Л.В. Гаврилова и Т.Н. Васильева установили на Троицком кладбище (скудельне) небольшой каменный крест XV–XVII вв. с традиционными надписями (Царь Славы Иисус Христос Ника), числящийся в кадастре достопримечательностей Опочецкого района. Кладбище это закрыто еще в 1950-е гг., и историческая реликвия много лет лежала в бурьяне.

В 2013–2014 годах на территории Опочецкого района проходила краеведческая волонтерская киноэкспедиция «Неисчезающая память» (руководитель Е.П. Орлов).

Она предусматривала установку памятных крестов на месте разрушенных церквей в Рясине, погостах Старик и Черницком и съемку документального фильма о священномученике Василии Розанове.

Краеведы «Отчего дома» оказывали Е.П. Орлову активную помощь практически на всех этапах киноэкспедиции – начиная от поиска мест для волонтерских лагерей и заканчивая установкой памятных крестов.

Еще одним аспектом организаторской работы, проводимой участниками клуба «Отчий дом», является установка памятных досок в честь замечательных земляков.

В декабре 2016 г. на здании бывшей Опочецкой земской больницы была установлена памятная доска в честь главврача районной больницы С.Я. Гена, заслуженного врача РСФСР, участника Великой Отечественной войны, награжденного орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды – к его 120-летию. Инициатором и организатором выступила очень активно работавший в Опочке многие годы краевед Л.В. Гаврилова.

Она же добилась установки мемориальной доски на храме Преображения Господня в память всех опочан, пропавших без вести во время Великой Отечественной войны (открыта 22 июня 2017 г.).

написал о них целый ряд книг. В день его юбилея на доме № 11 по улице Автозаводской, где Русаков жил в 1999–2011 гг., была открыта мемориальная доска.

В этот день в Опочку приехал потомок Пушкина в пятом колене, друг покойного А.А. Коллригов.

Инициатор и организатор установки этой памятной доски – президент клуба «Отчий дом» М.С. Яковлева.

С лета 2019 г. краеведческий клуб «Отчий дом» работает уже на базе Опочецкого краеведческого музея; его деятельность курирует директор музея Н.А. Евдокимова. В состав клуба теперь влились новые участники со своими –

8 мая 2017 г. исполнилось бы 90 лет писателю-пушкинисту Виктору Михайловичу Русакову, широко известному и нашей стране, и за рубежом. Полвека он занимался изучением потомков А.С. Пушкина,

опять-таки новыми для клуба – направлениями работы.

Марина ЯКОВЛЕВА

История храмов

«Красили сию церковь...»

В моём понимании, они – настоящие герои. Но так склонны думать далеко не все. При жизни их не особенно уважали. И уж точно, не очень-то ценили. Кто-то их откровенно презирал. Другие люто ненавидели, гнали, травили, устраивали им козни... и казни.

А они – не скрывались, не прятались, не отвечали злом на зло. Они открыто выступали в защиту веры и Божьих домов на земле, церквей. Учитель заповедал: *«Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы. И, зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваши пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного»* (Мтф. 5: 14–16).

Горькую чашу в этой юдоли слёз они испили до дна. Все, кто не отрёкся от Христа, жили с ясным пониманием того, что их путь ведёт на Голгофу. У каждого из этих двадцати были свои искушения, хождения по мукам, свой тяжкий крест. Я имею ввиду церковную «двадцатку».

О героях тербенской «двадцатки», которые подвигом своего стояния в вере спасли для потомков удивительный старинный храм в селе Тербени, нам неизвестно равным счётом ничего.

Если бы я пришёл к вере своих предков несколькими годами раньше, я знал бы о «тербенской двадцатке» всё. Из надёжного первоисточника. Моя бабушка Наталья Яковлевна состояла участницей церковного совета при храме Воскресения Христа в Тербени. В «двадцатке» состоял и её муж Степан Николаевич Николаев, мой дедушка.

Однако, пока была жива моя бабушка, вопросы веры меня совершенно не занимали. Мы говорили с нею о чём угодно, только не об этом.

После её ухода у меня был шанс узнать о тербенском сопротивлении у моего отца Евгения Степановича. Отец, как и бабушка, тоже знал о «двадцатке» не понаслышке...

Когда под старость я проникся верой, вокруг меня не осталось уже ни единой родной души, кто мог бы поведать мне о тербенских героях.

Я безнадежно опоздал... Но так сложилась судьба. И с этим уже ничего не поделаешь...

На колокольне и ныне действующей церкви Воскресения Христа в селе Тербени оставлено несколько лаконичных надписей. Сделаны они в разное время. Последняя – на немецком языке – датирована 1942 годом. В своё время она привлек-

Храм в Тербени. 2005 г.

ла внимание о. Георгия (Мицова)...

А вот предыдущая запись никого, похоже, за душу не тронула (разве что автора этого очерка).

Неспроста тогда, в тот далёкий день моего посещения церкви (церкви, в которой, кстати, я был в младенчестве крещён), батюшка, отец Георгий, отправил меня на колокольню, чтобы я осмотрел там надписи. Та, о которой ниже пойдёт речь, сразу меня «зацепила» чем-то... Привожу её без изыятий.

Красили сию церковь в 1938 году

- 1) *Королёва Ольга Фроловна*
- 2) *Фролова Антонина Семёновна*
- 3) *Егорова Людмила*
- 4) *Захаров Михаил*
- 5) *Иванов Иван Михайлович*

Вроде бы всё буднично, просто. Красили церковь... Но ведь год-то какой, друзья! 1938-й!

Два года нашей истории – 1937-й и 1938-й – стали поистине апогеем жестокости властей по отношению к собственному народу. В мемуарах бывшего генсека Хрущёва мелькает выражение «мясорубка 1937-го года». Кого рубили и вырубали? Да русский народ, самых лучших его представителей – всех, кого объявили «бывшими людьми», то есть «кулаков», «попов», «религиозников», «врагов народа», «нэпманов», «шпионов», «недобитую контру» и пр.

В эти годы лимиты на количество (в ты-

сячах душ) арестов и расстрелов сверху спускают на места, распределяют по областям и районам. А местечковые руководители – дабы выслужиться – запрашивают у верхов увеличения нормативов арестованных, ссылаемых и расстреливаемых.

В эти годы страну захлестнула антирелигиозная волна с массовым закрытием приходов, арестами и расстрелами священнослужителей и мирян, полным уничтожением тех церквей, в которых «двадцатки» было не запугать и не разогнать.

В Опочке 1937 год был отмечен уничтожением красивейшего Спасо-Преображенского собора. А сколько было убито людей, сломано человеческих жизней?

Коварно (посредством поджога) была ликвидирована соседняя с Тербенским приходом Покровская церковь на погосте Старик. Крепкая сплочённая церковная община там осталась. Но что толку, если сам храм превратился в грудку обугленных головешек и камней?

Столь же коварно были обращены в прах и другие соседние храмы: Воскресенский на озере Кудо, Троицкий в селе Ясино, Нестюгинская церковь, закрыта Знаменская церковь на озере Камено... К 1938 году всё пространство вокруг Тербенской церкви было зачищено от религии. В Опочке действовала лишь кладбищенская Покровская церковь, над которой тоже нависал домоклов меч.

(Продолжение следует)

Александр ВЕРЕСИН

Гипотезы

О пограничных крестах

Осенью 2017 г. в Опочке у ворот Покровского кладбища был установлен каменный крест. Его история исследовалась М.С. Яковлевой, в ее статьях показано происхождение креста из д. Лапино Глубоковской волости (с Лапиной горы). В одной из легенд, приводимых автором исследования, говорится, что этот крест некогда был установлен на могиле разбойника Лапина.

Однако для намогильного креста, даже знатного дворянина, крест слишком велик (полная высота – 2 м, максимальная ширина – более 1 м).

Между тем имеются упоминания, что в наших местах существовал обычай установки крестов на границе земель, в нашем случае на границе с Великим Княжеством Литовским. Одно из поздних упоминаний таких крестов содержится в описании границ между Московским государством и Речью Посполитой, установленных в 1648 г. На границе между Красногородским уездом, отходящим к Польше, и Велейским уездом, на Каменном переезде через ручей Грибатый с красногородской стороны был установлен деревянный крест, а с велейской – каменный.

Место это легко определяется. Находится оно сейчас в границах современного Опочецкого района. Ручей Грибатый впадал в реку Иссу напротив Духовой горы, с противоположной стороны. В 80–90-х гг. XX века из Люцкого на Варыгино была построена грунтовая дорога, которая пересекает этот ручей. Сейчас его берега густо заросли ивняком. Вытекает он из болот. В прошлом веке, вероятно, этот ручей расчищался мелиораторами, поэтому, отвечая на мои вопросы о тех местах, большинство людей мне описали его как мелиоративную канаву.

На трёхверстке 1930 г. мы можем увидеть упоминаемый хутор Денисово, принадлежавший Нефеду Бедринскому, далёкому предку фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова по матери. С красногородской же стороны, в районе современного Люцкого, земля принадлежала опочецкому воеводе Ивану Козодавлеву, который должен был ее лишиться после 1648 г. в связи с переходом Красногородского уезда польской короне.

Каменный переезд располагался, вероятно, на старой дороге между Костровом и Загоскином. Нужно отметить, что деревня Кострово возникла, скорее всего, позднее 1648 г. и связана с передачей этих земель в поместье опочецкому казачьему атаману Игнатию Кострову в 1656 г. после возвращения Красногородского уезда в состав Московского государства, владения которого простирались от Каменного переезда/моста:

«В прошлом во 166 (1656) году апреля в 27 день по ввозным Великого Государя грамоте из Поместного приказу ... Опочецких казаков за отаманом за Игнатием Федоровым сыном Костровым, вь Николской Дрецькой волости к Красному городу в 17 верстах ... на Велейском рубеже от Каменного мосту <...>».

Сейчас в этих местах, между Люцковом и упоминаемым ручьем, строятся фермы Великолукского мясокомбината.

Какая же граница могла проходить в районе деревни Лапино Глубоковской волости?

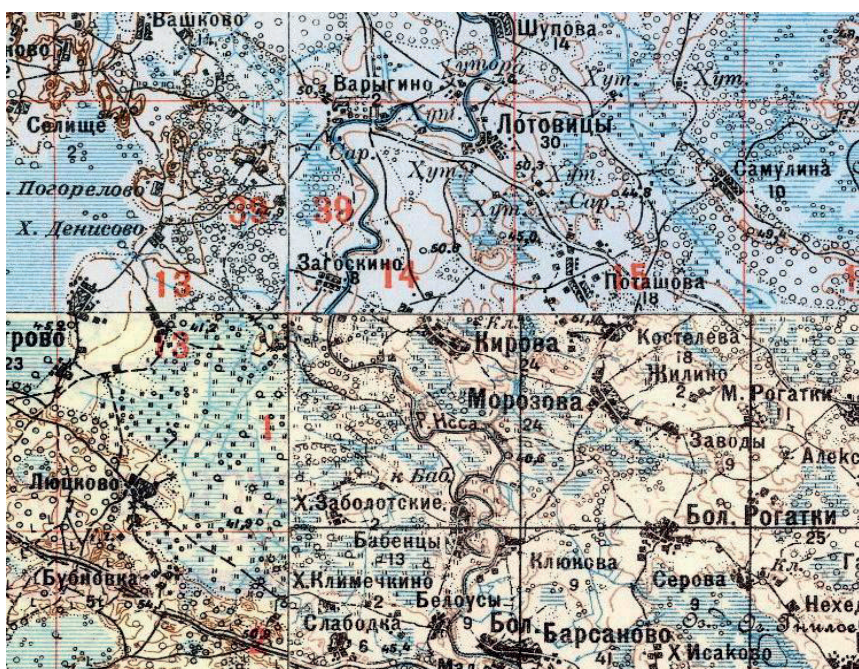
Если обратиться к первой сохранившейся переписи Опочецкого уезда 1585–1587 гг., то в этом районе могла находиться только граница между губами Опочецкого уезда, то есть граница погостов. Маловероятно, что столь условное внутреннее административное деление отмечалось монументальными крестами.

Известный специалист по истории Новгорода В.Л. Янин в книге «Новгород и Литва: пограничные ситуации» упоминает об изменениях, произошедших в XV в. в границах Чернокуня, к

которому относился Пусторжевский уезд после основания крепости Опочка.

Эти изменения нашли отражение в dokonчании 1431 г. с литовским князем Свидригайло. Тогда в состав Чернокуня были включены волости Заклинье и Лубоково. Волость Лубоково Янин ассоциирует с Глубоким, предполагая трансформацию Лубоково/Глубоково, аналогично Лукерья/Гликерья.

В таком случае именно в районе Лапиной горы должна была проходить граница между землями Псковской республики и совместными новгородско-литовскими владениями, которая, вполне возможно, и была отмечена каменным крестом.

«[О]т реки Иссы межа Королевского величества Псковскаго пригорода с Велейским уездом: ручьем Грибатым вверх и в устье того ручья на Велейской стороне вновь выкопана яма, а на Красногородской стороне насыпан копец; а от ямы и от копца тем же ручьем Грибатым вверх до Каменного Переезда две версты, а у Каменного Переезда, на Велейской стороне, стоит каменный крест, а на Красногородской стороне крест деревянный; налево земля и лес и всякие угодья Королевского величества Красногородского уезда Ивановской усадьбы Козодавлева, а направо земля и лес Царского Величества Велейского уезда Нефедьева поместья Бедринского сельца Моковоева и деревни Денисовой <...>».

Из старых архивов

Гулянка в Опочечском уезде (районе)

Александр Иванович БЕЛИНСКИЙ,
педагог, краевед, публицист.
Работал в Опочке
в 1919–1930 гг.

Городская молодежь веселится на вечеринках, деревенская гуляет преимущественно днём. Горожане ограничиваются тесным кругом знакомых; деревенские жители собираются на гулянье за десятки вёрст, в большинстве вовсе не знакомые друг другу.

На вечеринках преимущественно пляшут (в помещениях); на гулянках больше ходят вдоль улицы, «красу разносят», гуляют.

Для вечеринок нет определённых дней; народные гулянья приурочиваются к церковным праздникам (Успенев день, Духов, Николин, Ильин, Михайлов и другие дни), которые являются не только днями отдыха, но и днями широкого, хотя и однообразного и грубоватого веселья собирающимися людьми разных возрастов и состояний.

Гулянка – это прекрасный случай «людей посмотреть и себя показать».

К гулянью готовятся. За несколько дней подбирают соответствующий костюм, созывают товарищей и подруг, подчищают и подкармливают лошадей.

Из дома отправляются с расчётом прийти или приехать на гулянье к двенадцати-одному часу дня.

С разных сторон в одном и том же направлении спешат девицы и парни то группами в пять-шесть человек, то по двое, по трое (сколько может отрядить та или другая деревня). Обычно девицы идут особняком от парней, перебрасываясь время от времени игривыми замечаниями, когда придётся сойтись поближе.

– Берегись, сотрём! – кричит румяный мальчуган лет пятнадцати, догнав в компании с другими подростками двух девиц с узелками в руках.

– Тише, браток, рано тереть собираешься, – лукаво огрызнулась девица.

– Откуда вы, девки? Видно, сдалёку, что так подторкались, – не унимался парнишка.

– А тебе какое дело? Проваливай!

– Ядрёные девки, – заметил другой мальчуган, – а только зря это они нижние юбки тоже не подобрали, налипня грязи на узоры; сдыми стануху выше!

Девки хихикнули, мальцы загоготали, выше-то поднимать было некуда.

Перегоняя девок, мальчуганы пустили по адресу незнакомок несколько нецензурных замечаний и зашагали впереди их.

Девицы не пожелали остаться в долгу. Они послали вдогонку кавалерам нечто такое, на что подростки не нашлись даже ответить, а только погрозили дубинками.

Девицы шли не издали, но прошел дождь, по дороге кое-где стояли лужи, от телег проезжих летели грязевые брызги; чтобы не испачкать обуви и не забрызгать наряд, «ядрёные девки» увязали праздничные наряды в платки. Смешного в этом решительно ничего не было, так как с узелками в руках и так же подторкавшись шли многие другие; даже некоторые мальцы несли свои сапоги, перекинув их через плечо или повесив на палочку, как на коромысло.

Чем ближе к праздничной деревне, тем всё чаще попадались прохожие. По дорогам и тропинкам, там и сям пестрели люди в нарядах самых разнообразных цветов и фасонов. Некоторые шли уже совсем одетые на гулянье, у других туалет ещё не был окончен.

Одни совершали свое путешествие скромно, чинно, другие были более оживлены: посвистывали, время от времени затягивали припевки, высмеивали прохожих. Вот с шумом провалила толпа мальцев с толстыми дубинами в руках, с шапками набекрень, в пиджаках, накинутых на плечи.

Один из них под мышкой нёс «гармонь». Многие из этой компании были навеселе.

– Ну, эти погуляют, – заметил немолодой мужичок, сопровождаемый своей половиной.

– А чьи это? – любопытствовала бабёнка.

– Неуж не взнала? Это барсаны [из д. Барсаново. – Примеч. А. Б.].

– То-то я Лёшку будто приметила, да подумала: не, это не он... Эти не гулять, а драться идут; вишь, какие колья у них набраны.

– Не с кольям-то одним они идут.

Разговор продолжался ещё некоторое время в таком же духе, а между тем уже до

слуха долетал какой-то неопределённый гул со стороны деревни Кирово.

По дороге, возле канав, наполненных водой, и мочил, останавливались девушки, мыли ноги, обувались, чуточку прихорашивались, чтобы можно было войти в деревню.

А там уже гуляли. Огромная толпа мальцев – впереди постарше, дальше помоложе и, наконец, мальчишки лет двенадцати-тринадцати – густой ватагой шли за гармонистом, который, приложив «гармонь» к уху, выигрывал какие-то мотивы. С обеих сторон около него два парня поочередно выкрикивали слова припевок, часто нецензурных, лишенных всякой мелодии.

Некоторые из гуляющих во время пауз сгибались в колесо, поднимали руки над головой, топали ногами, разбрызгивая грязь; кое-кто свистал пронзительным свистом; другие кричали диким криком – «ррр, арррр», – одним словом, «ломались».

Шествие замыкали девицы, сопровождавшие мужскую компанию.

По бокам улицы, около самых построек, стояли и сидели пожилые обыватели деревни и их гости, любовавшиеся гуляньем молодёжи.

Пробраться через толпу гуляющих было трудно, зато боковые улицы были совершенно безлюдны. Этим обстоятельством пользовались модницы и здесь приводили в порядок свой туалет.

Вот одна, поплевав на ладонь, смачивает челку своей подруге; другая какой-то бумажкой трёт себе щёки, которые и так горят, как спелая калина.

В сенном сарае, среди сада, не замечая присутствия посторонних, приводят в порядок более интимные части туалета. Слышны разговоры:

– Зацым сняла?... Стала как сельдина... Поддень опять!

– Впаришься, дура, зато и сняла... Покажь-ка в зеркало..., и взабыль хигуре нет.

– Ну, вот так,... теперь добро, – успокоительно говорила модистка.

Фигура была устроена, иначе говоря, поддето две-три тёплых юбки, чтобы не казаться тонкой, ибо худеньких в деревнях бракуют.

Надев бусы, распустив ленты, подвязав шарфы, выплыли из сарая две пышные девицы. Они прошли одна перед другой, чтобы убедиться, что изъянов в костюме нет, поглядели пристально в зеркальце, закрутили в колечки при помощи пальца волосы, выбившиеся из-под шарфов, и пошли к гуляющим.

Тем временем толпа повернула в другую сторону и направилась в Варыгино, на бе-

рег реки Иссы, куда собираются в Духов день на гулянье и православные, и старообрядцы.

Погода стояла хорошая. Солнышко стало прорезывать легкие облака, покрывавшие небо. Дул тихий ветерок. Зелёная травка, обмытая дождём, дружно тянулась ввысь, пестрея цветами разных колеров; рожь начинала колоситься.

Толпа в несколько сот человек как-то присмирела. Гармоники чуть-чуть поскрипывали, певцы умерили свой пыл.

Из толпы время от времени выделялись группы парней, прятались в кустах и через некоторое время возвращались.

– Что, зарядились? – спросил бритый мужичонка своего знакомца.

– Зарядились-то, зарядились, да маловато.

– Так за чем же дело стало? За горькушкой недалеко ходить. Мигом доставлю, только денег давайте.

Денег ему дали и приказали принести самогонку поскорее. Мужичонка исчез.

– Промышляет, – заметил рыжебородый степенный крестьянин, свидетель этого разговора.

– С этого разжился, – заметил другой.

– И что за приятность напиваться самогонкой? – вмешалась девица с претензией походить на столичную барышню, – пирипьются и ходят осоловелые, совсем никакой стеснительности не знают: поют такие песни, что ни знаешь, куда глаза дивать... Ну, и руками большую волю дают, мимо пройти нельзя.

– А каво ж тут стыдиться? Девки тож хорошие выдры, знают всё не хуже нас, – возразил рыжебородый.

– Да, ваши барышни очень не деликатны, и хорошеньких совсем нет, все стали нагомивать лица пудрой да краской, за городом хотят согнаться.

– А вы откуда сами будете?

– Я родом из Морозова, да вот уже шесть лет живу в Питере, так и дом позабыла. Приехала брата проведать, а он в Москве – в ГПУ.

– А, так вы Гришкина сестра?.. Знаю... Да, вот поди; не был Гришка, кажись, ни спекулянт, ни конкурентом, а забрали, и сиди. Во, брат, какая статья...

Неожиданно гармонист развёл «гармонь», запели припевки. Поднялось что-то невообразимое. Гик, вой, крик, в воздухе замелькали палки. Оказывается, подошли к берегу реки, и надо было показать себя. На другом берегу началось такое же столпотворение, точно сошлись две вражеских рати.

Переправа через реку была плохая, но это никого не смутило; пьяненькие перешли на запруде не хуже трезвых. Часть перешедших вмешалась в толпу, другие уселись у изгороди сада, некоторые – по берегу реки.

Гуляющие поделились на две партии, ходившие одна навстречу другой. Го-

ловную часть одной и другой составляли совсем пьяные. Они не шли, а как-то сошались, размахивали руками, вопили что-то бессвязное. Вид у большинства из них был совершенно растрёпанный: у одного шапки на голове не было, другой, с остановившимися стеклянными глазами, потерял пояс, беспомощно опустил руки, совался вперёд и сдавленным голосом, точно его под бок кто-то тузил, выдыхал:

– А... а... а...

Казалось, что толпа вообще состоит из одних пьяных: все покачивались, выгибались, сквернословили.

Когда встречались обе партии, было просто жутко. Ничего другого, кроме невообразимого воя, покрываемого резкими звуками гармоник, не было слышно. Поднимались руки со сжатыми кулаками, с палками. Но всё кончалось благополучно. Ради шутки, видите ли, надо «сломаться» так, чтобы удивить и зрителей и участников гулянья.

Вот вперед выступил тот, который больше других совался. Он остановился, выгнув шею кольцом, как молоденькая игривая лошадка, весь изогнулся и прошёл между двух компаний, дробно перебирая ногами, так курьёзно, что вызвал дружный взрыв смеха и одобрительные возгласы:

– Во, гад!

– Потеха!

– Ну, ещё разок! – это он «прошёлся коньком».

Номер был исполнен с большим мастерством, и другая партия не могла выставить соперника. На её счастье, стороной дороги проезжал крестьянин. На дроги к нему вскочил ловкач, солист из другой группы, лёг на спину, задрал ноги кверху, потрёс ими и перекувырнулся дважды – к переду и к задку экипажа. Одобрительный хохот был наградой автору трюка. Первый, однако, не хотел ударить лицом в грязь, он проделал то же, только не так ловко. Зрители всё же были в восторге.

– Ловок гад ломаться, – говорили в толпе.

Разошлись стороны опять мирно. Много раз они встречались и расходились, причем настроение всё нарастало. Девушки, бродившие безучастно за толпой мужчин, постепенно стали отходить от них и выстраиваться вдоль дороги.

Вдруг среди гуляющих произошло смятение. Толпа мальцев со смущенными лицами почему-то бросилась бежать; гармошки затихли, вой прекратился.

– Никак драка, – подумал кто-то вслух. Публика забеспокоилась.

– Чаво вы бежите? – спросили пробежавших.

– Лицемеры, – испуганно произнёс один их тех, который только что красовался на глазах у всех, а теперь являл очень печальный вид.

– А, – засмеялись в толпе, – вот кто вас напугал – лицемеры (милиционеры)... Ну,

немного надо вас побеспокоить, а то уж горазд разошлись, ажно страшно было, как ломались.

Из Опочки приехали три милиционера. Они стали отбирать у гуляющих дубинки. Некоторые отдавали без спора, другие просили оставить «тросточку», объясняя, что они драться не собираются. Немного спустя, в толпе появились недавние герои, но уже в другом виде: костюм был приведён в порядок, пьяного кривлянья не было и следа. Куда что девалось. Трёх милиционеров было достаточно, чтобы выкурить хмель и всю пьяную блажь из голов сотен распоясавшихся гуляк.

Гулянье теперь приняло более ровный характер. Главную роль стали играть девушки. Около них появились кавалеры. Пары ходили или взявшись за руки, или под руки, причём всегда кавалер брал под руку барышню, и никогда наоборот.

Гармонисты по-прежнему собирали вокруг себя толпу; пелись припевки, но уже не такие безобразные, как в начале гулянья. Ряд за рядом двигались гуляющие то в одну, то в другую сторону. Под большой кудрявой ивой, куда не проникли дождевые воды, среди широкой стены зрителей девушки отплясывали «русскую», перед ними замысловатые па «выкомаривали» мальцы.

Молодухи, оставленные своими мужьями, сидели вдоль дороги и судачили о прохожих.

– Смотри-ка, Машка с каким хрантом гуляя... Ну и портки! Каво это он в карманы наклак, что они у него так раздулись?

– А, стало быть, возгрей, – задорно отозвалась соседка, и обе покатались со смеху.

– А во идуть, во сарафаны распустили; а в той-то ленты попущены, ...смотри-ка, цасы золотые навесила, ...в каждой по звонтику...

– Это марфинские сталоверки (староверки). Вон та, что повыше да потолще, в калошах, Юшкина дочка. Сватали в Горивичи, да не пошла. А добра, богата, зато и зарятся.

– А вон, гляди-ка, в какую рубаху нарядилась... Ахти лихо тошно, ведь рубаха с шелкового платка скроена. Цветы-то какие! Видно, матка свой плат загубила... И шапка такая ж... Этакий плат стеряла.

– А, можа, он в ей не один, так для сына и не жалко.

– А как хош, я б не дала своего плат на рубаху.

Гуляющие резко делились по нарядам и своему виду.

Большинство девушек было одето на городской манер. Главное внимание, по-видимому, было обращено на юбки, которые скроены были очень коротко.

Ноги у большинства были наряжены в чулки зелёного или красного цвета, переуваченные у колен подвязками не в цвет чулок. Обуты вообще небогато.

Кожаные башмаки («полусапожки»)

заметны были редко. Преобладали «баретки» – туфли из домашнего холста или парусины на неуклюжих каблуках и веревочных подошвах.

Платя в большинстве ситцевые, не новые. Редко промелькнет нарядная девица в шелковом или сатиновом платье с чужого плеча. На неё смотрели как на диковину.

Сами девицы не отличались дородством. Изнурённые, жёлтые лица говорили о плохом достатке гуляющих.

Под стать им и кавалеры. Одеты в домотканину или покупное, но подержанное. Обуты в сапоги не первой молодости. Сами желты. Выглядят старообразно для своих лет.

Другая часть гуляющих, наоборот, выгодно отличалась своими нарядами и внешним видом.

Длинные, широкие сарафаны из шелка или сатина, такие же кофты, обилие лент по плечам и у пояса, украшения из золота на шее и руках, зонтики, красивые шарфы и платки, кожаные башмаки и калоши говорили об их зажиточности.

Сами они рослы, обладают здоровым цветом лица.

Такое же впечатление производили и их ухаживатели. Одеты опрятно, без претензий на моду, в фабричные ткани, в щеголеватые сапоги или щиблеты.

Ходили они степенно, в безобразиях пьяной толпы участия не принимали. – Это старообрядцы, совсем другой мир людей, с особым укладом жизни, избегающие употребления хмельных напитков, до сего времени почитающие большим грехом курение табаку.

Поэтому в любой толпе безошибочно можно угадать старообрядца; он всегда очень выгодно выделяется своим дородством из среды «мирских» (так старообрядцы называют православных).

Старообрядцы покинули гулянье раньше других. Большинство из них дожидались сытые, выхоленные лошади, запряженные в линейки, в которые садились по три-четыре человека.

Народу осталось очень мало. Милиционеры, считая свою миссию оконченной, тоже покинули Варыгино.

Часть молодежи ушла на ночное гулянье в деревню Поташево.

Гуляли, должно быть, и в других деревнях, потому что издали доносились пение и музыка.

Одна из девушек упростила батьку впустить молодежь в избу. Тесная изба сейчас же наполнилась народом и дрожала под мощными ударами каблуков, отбивавших «дробь». Плясали поочередно не больше одной пары, потому что двум разойтись было негде. Ожидать очереди было неприятно, и один хорошо «зарядившийся» паренёк решил нарушить порядок: вышел в круг, вытянул из толпы свою барышню и пошёл вертеться волчком, мешая очередной паре.

Гости недовольно загудели. Паренек не обращал внимания и с жаром разделял свой номер, смешав совершенно все па очередных.

Кавалер из первой пары обозлился и толкнул шедшего вприсядку нарушителя порядка. Последний некрасиво растянулся, что вызвало общий смех. Выпрямившись, обиженный подошел к обидчику и «сшил» ему в ухо. Тот не остался в долгу. Началась драка.

Девки с визгом бросились на улицу. Мальцы хотели развести бойцов, но такое вмешательство подлило масла в огонь. Драка стала принимать серьёзный характер. Попало кой-кому из мировых. Те тоже разозлились и, не разобравшись, откуда попало, начали «лупить» обоих танцоров.

Кто-то выбил раму, зазвенели стекла. В окно из ведра плеснули холодной водой. Это хозяин выкуривал гостей из избы. Они уже и сами выбирались оттуда истрёпанные, окровавленные. Вода и свежий воздух не отрезвили драчунов. На улице перешли в колья. Затрещали заборы. Крик и стоны огласили воздух. Кого-то били смертным боем.

– Братцы! – зывал он, – пощадите. За что вы меня? Спасите, граждане!

Но удары палок сыпались по нему, как по снопу. Он приподнимался, пытался бежать, его снова сбивали с ног. Избитый еле стонал, пытался руками защитить голову.

– А, еще дышит! Бей его! – ревели озверевшие бойцы.

– Убили, – сказал кто-то, и мигом рассыпались в разные стороны, оставив на месте преступления и труп, и окровавленные колья.

Попрятавшиеся во время драки жители деревни вышли посмотреть, «кого прибрал Господь», но ничего разглядеть было нельзя. Совершенно разбитая голова лежала вниз лицом в луже крови.

Решили послать за властями. В соседних деревнях быстро стало известно, что в Поташах человека убили. Со всех сторон стекались зрители. По костюму узнали в убитом Костю Рогалева.

Скоро явились районные милиционеры. Начался допрос. Очевидцы передавали известные им подробности драки.

– Ай же и ужасно было, как начали его лупить, – докладывал хозяин хаты, в которой началась драка, – били, как барана, а только он не виноват: он хотел разнять Павлушку с Ванькой, а они и давай ему накладывать. Тут вмешались Яшка, Гришка, Петька Нефёдов, и пошла лупцовка. Костя был малец рахманный, а ему больше всех попало.

– Что праведно, то праведно, – подтверждали другие.

– То-то Марфа будет плакать! Этакое сына лишиться; да хоть бы помер, как следует доброму человеку, а то что ж это такое?

С рассветом перед зрителями открылась

ужасная картина: лужа крови, разможенная голова с торчащими из-под окровавленных волос черепными костями, раздробленные руки.

Любопытные с дрожью и первыми выкриками отходили прочь, уступая место всё новым и новым зрителям.

В поле за деревней послышались стоны.

– Марфу везут, – доложили заперевшие повозку ребята.

Немолодая женщина без платка, в одном повойнике, босая свалилась с телеги и в недоумении остановилась. Она не могла в труп признать своего сына, так он был изуродован; вся одежда на нем была разорвана в клочья, залита кровью, залеплена грязью.

– Твой сын? – спросил районный.

– Ах, мой! – после небольшой паузы завопила баба. – Ахти лихо тошно! Костенька, сынок, что с тобой? На кого ты меня, старую, покинул? Что теперь буду делать я, горемычица? Зачем связался ты с лиходейми?.. Ах, ...ах, ...ах!..

Стоны и причитания матери вызвали слёзы у многих присутствующих. Бабы хотели успокоить Марфу, но она заголосила еще громче.

К толпе подошла группа мальцев.

– Что за шум, а драки нет? – молодецково загремел один из них. – Что за сборище?

Увидав труп, он спросил:

– Кого убили?

Помолчав немного, беспечно изрёк:

– Так, рано, брат, отгулял, Костя. Ишь как расквёл (расцвел)!

– Гы, гы, гы, – загоготали парни, довольные острою своего компаньона, – расквёл и есть... Пойдёмте, товарищи, ...каво там смотреть, ...нам дорога дальняя.

Не успели мальцы отойти и десяти шагов, как их гармонист заиграл, а остальные гаркнули нехорошие частушки.

– Ишь озорники!.. Что от таких доброго ждать?! – заметили в толпе.

– Одно слово барсаны; видишь, их корёжа, – откликнулись другие, наблюдая, как барсаны ломались среди поля.

Проходя мимо Рогаток, барсаны (из деревни Барсаново) увидели близ дороги небольшую баньку.

– Подопрём ее, товарищи, что она на самую дорогу вылезла, – предложил один.

Мальцы уперлись в стену баньки:

– Вот так, еще разок пяхни...А, затрещала... Ну, дружней!

Баня покосилась и с треском опрокинулась набок.

Из деревни прибежал мужик без шапки, замахал кулаками, неистово заругался... А от барсанов и след простыл. Разрушив баню, они бросились со всех ног по направлению к городу.

Крестьянин подошел к развалинам, pokrutil головой, выругался, развёл руками и пошел к дому...

Александр БЕЛИНСКИЙ

■ Книги об Опочке

От основания опочецкой крепости и до наших дней

Генеалогия, составление своих родословных сейчас в большой моде. И когда корни фамилии вдруг отчётливо уходят в какую-то местность, в какое-то село или деревню, в какой-то город, у человека, изучающего собственную родословную, нередко вспыхивает интерес к своей «исторической родине», появляется потребность узнать о ней побольше.

Потомки опочецких семей не обделены в этом плане. Об Опочке написаны достаточно объёмные работы, освещающие её историю с основания крепости в 1414 г. И самое главное – некоторые из этих книг ещё можно купить, чтобы потом не спеша и обстоятельно познакомиться с тем, что происходило когда-то в городе, уезде и районе.

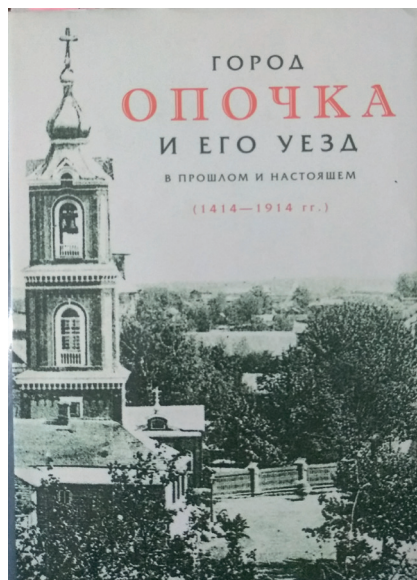
Продаются эти издания в Опочечком краеведческом музее и в Опочецкой районной библиотеке имени А.С. Пушкина.

Начать, видимо, лучше всего с книги «Опочка: события и люди» (Опочка, 2014). Задумывалось это издание как путеводитель-буклет к шестивековому юбилею Опочки. Но в ходе работы разрослось до целой книги, которая на своих 136 страницах даёт достаточно целостное представление о 600-летней истории города и об известных людях, имена которых так или иначе связаны с Опочкой. Издание богато иллюстрировано, многие фотографии – уникальны.

Один из источников вышеупомянутой книги – фундаментальный труд опочецкого краеведа Леонида Ивановича Софийского «Город Опочка и его уезд (1414–1914 гг.)», впервые увидевший свет в 1912 г., когда шла подготовка к празднованию 500-летия города. В советское время эта книга стала библиографической редкостью, о ней

знали в основном только специалисты. Но в 2004 и в 2013 гг. в Пскове вышли репринтные издания труда Л.И. Софийского. Книгу 2013 г. и в настоящее время можно свободно купить в Опочке.

Конечно, современному читателю её текст воспринимать нелегко; из-за старой орфографии возможны даже ошибочные прочтения. Эта книга требует к себе внимательного отношения. Но тот, кто даст себе труд основательно с ней познакомиться, потратит время с пользой: автор книги нередко приводит на её страницах фрагменты старых документов, в которых содержится немало любопытного и которые могут послужить отправной точкой для исследований новым поколением опочецких краеведов.

В 2010 г. в Опочке был выпущен историко-литературный сборник «Живое слово Опочки». Любителям истории там будут интересны, главным образом, два раздела: «История Опочки: находки и догадки» и «Строки диктует память».

Понятно, что в первом разделе помещены материалы о событиях, некогда происходивших в Опочке, о людях, которые здесь жили или хотя бы родились. На основании архивных поисков написаны статьи краеведа-историка А.В. Кондратени «История Покровской церкви» и «Личный враг Сталина и Опочка», статья С.А. Алексеева

«Как закрывали и разрушали опочецкие храмы». К древней опочецкой истории обращается краевед-любитель А.Е. Николаев в своей версии «Камни родины».

Раздел «Строки диктует память», как понятно из названия, отдан мемуарам. Интереснейшие записи об Опочке 1920-х, 1930-х, начала 1940-х гг. оставили известная певица В. Кудрявцева-Лемешева, дочь опочецкого врача И. Миримова, В. Орлов.

Любители истории и краеведения найдут для себя кое-что интересное и в публикации П. Большечева «Рассказ десятника», помещенной уже в литературном разделе «Услышав голос музыки...». Здесь привлекает внимание и сама личность автора – он из рода дворян Большечевых, которым до Октябрьской революции принадлежало имение Пашкино близ Опочки (дом и парк усадьбы частично сохранились до настоящего времени). В первом разделе сборника «Живое слово Опочки» об этом роде рассказывает М.С. Яковлева в статье «Жила в Пашкине дворянская семья...», написанной на основе материалов архива Опочечского краеведческого музея.

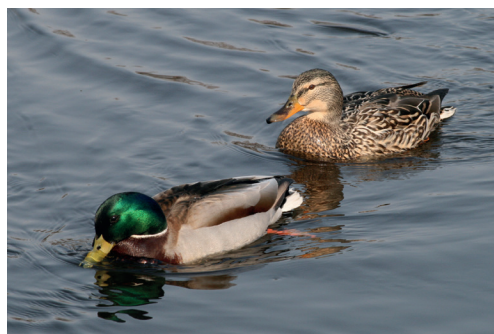
Как уже подчеркивалось выше, эти три издания купить в Опочке пока ещё можно. О других книгах об Опочке, которых в продаже уже нет (но их можно взять почитать в Опочечком краеведческом музее или в районной библиотеке), речь пойдет в следующих номерах «Опочецкого краеведа».

Марина ЯКОВАЛЕВА

Природа родной земли

Птицы на Великой: поздняя осень и зима

В последние годы река Великая полностью зимой замерзает редко; на ней практически всегда остаются большие полыньи. Те из них, рядом с которыми в Опочке проходят городские пешеходные мосты, дают возможность наблюдать водоплавающих птиц, которые остаются на зимовку на реке и которых подкармливают опочане.

Обычные и многочисленные птицы в нашем городе – утки-кряквы. Их шумные стаи насчитывают иногда несколько десятков особей. Порой среди них можно видеть птиц с необычной окраской.

По мнению орнитолога Национального парка «Себежский» Сергея Анатольевича Фетисова, это, скорее всего, помеси крякв с другими родственными видами.

Нередко в больших полыньях на Великой задерживаются и лебеди-шипуну, часто – целыми семьями. Гнездятся они, скорее всего, летом в районе Копотиловки, где Великая, подпертая плотиной Шильской ГЭС, образует настоящие плавни. А поздней осенью и зимой лебеди-шипуну перебираются поближе к людям – накормить их большинство опочан считает за честь. С пакетиками, где лежат кусочки хлеба, сюда приходят в сопровожде-

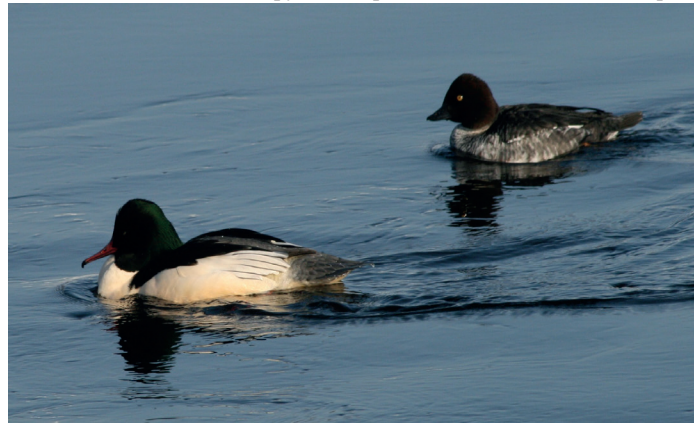

нии своих воспитателей и дети из близлежащих детских садов. Зимой 2008/2009 года семья лебедей-шипуну с тремя взрослыми

птенцами держалась на больших полыньях в Опочке в районе висячего моста, ведущего с городского стадиона к Опочечкой больнице.

Утки-кряквы и лебеди-шипуну – самые частые гости зимой на Великой в Опочке.

Однако случается увидеть здесь и других водоплавающих птиц. Зимой 2012/2013 года в февральские дни в районе разрушенного ныне военного мостика появилась группа новых для Опочки птиц. Её составляли крупный красивый самец большого кро-

халю, самка гоголя и две самочки лутка, иначе малого крохала.

Большой крохаль задержался на Великой дольше своих спутников. Несмотря на то, что в определителе видов водоплавающих птиц большой крохаль назван рыбобоядным видом, эта утка, зимующая в Опочке, с большим удовольствием ела хлеб. А вот лутки хлеб

не ели, они что-то доставали из воды. Часто ныряла и утка-гоголь.

В зимы 2008/2009, 2011/2012 и 2012/2013 годов на Великой в черте города держалась и очень редкая для наших мест птица – малая поганка. Хлеб она не ела. Беспреданно ныряя, доставала со дна реки какую-то живность, иной раз ловила и мелкую рыбешку.

Посмотреть на малую поганку в природе приезжала целая делегация из НП «Себежский».

Марина ЯКОВЛЕВА

Редактор М.С. Яковлева